

Когда Шэн Цзяньмин узнал, что в плетёной сумке Лу Минлана лежит коробка с книгами, он чуть не поклонился ему до земли. Хотя сам он поступил в Университет А, все свои старые учебники без сожаления отдал родным на продажу, не пощадив даже тетради. Теперь, видя, что Лу Минлан свои не продаёт, он почувствовал лёгкую грусть.

Ведь когда-то они исписали столько ручек и извели столько бумаги, а теперь продали тетради, исписанные мелким почерком от корки до корки. Сейчас, вспоминая об этом, стало немного жаль.

Первые несколько часов Лу Минлан сидел спокойно, но потом лёгкая тряска зелёного поезда снова начала вызывать дискомфорт.

Стало дурно, и, закрыв глаза, он попытался уснуть. Хотя полегчало, неприятные ощущения не исчезли.

Проехав с десятков часов и вернувшись в город Б, Лу Минлан при выходе из поезда начал сухо кашлять. Шэн Цзяньмин поспешил поддержать его, сильно встревожившись. Шэн Гоцян достал бутылку минералки и напоил его. Выпив воды, Лу Минлан почувствовал себя лучше и с горькой усмешкой сказал:

— Если в поезде так укачивает, как же я тогда поеду в ещё более дальние края?

Шэн Цзяньмин ответил:

— Мы можем пока не ездить слишком далеко.

Лу Минлан подумал, что в ближайшие пару лет, кроме поездок в Луцзятан, ему вряд ли придётся часто ездить на поезде, и согласно кивнул.

Из-за плохого самочувствия Лу Минлан не отправился вместе с семьёй Шэн Цзяньмина сразу в Университет А, а попросил их отвезти сумку самим, а сам вызвал такси и поехал прямо домой в особняк Лу.

Во время национального праздника Лу Чжунсун, хотя и ходил в компанию, но большая часть сотрудников была в отпуске, и он сам хотел немного расслабиться, поэтому большую часть времени проводил дома.

Лу Чжунсун изначально хотел съездить всей семьёй куда-нибудь отдохнуть, но Лу Минлан действовал самостоятельно и уехал в Луцзятан, что довело Лу Чжунсуна до ярости.

Уехал в родную деревню ни слова не сказав — что это значит? Он выражает своё недовольство этим домом!

Раньше, после того как Лу Чжунсун свёл Лу Минлана с Чжао Цаном, он испытывал некоторое чувство вины, но теперь, когда Лу Минлан заупрямился до такой степени, он не мог не разозлиться.

Он что-то ему сделал не так? Он же его отец! В любом случае — он отец! Если отец показывает сыну характер — это естественно, но когда сын так ведёт себя с отцом?! Он же его не бросал на произвол судьбы.

Услышав, как поворачивается ключ в замке, Лу Чжунсун, сидевший на диване и читавший газету, со звуком сложил её, и лицо его мгновенно помрачнело.

Когда Лу Минлан вошёл, он услышал резкий звук сминаемой бумаги — Лу Чжунсун ещё и фыркнул.

— ...Папа, я вернулся. С дороги немного устал — я пойду к себе в комнату.

Лу Чжунсун тут же резко повернул голову:

— Ты мне стой!

Лу Минлан остановился и повернулся боком:

— Папа, тебе что-то ещё нужно?

Лу Чжунсун, раздражённый, встал и вышел из-за дивана:

— Почему ты уехал в деревню, не сказав ни слова?

Лу Минлан ответил:

— Я попросил тётю предупредить тебя.

— Предупредить? — переспросил Лу Чжунсун. — Мне что, нужно ещё хвалить тебя за то, что ты вообще вспомнил об этом?

Лу Минлан ответил:

— В прошлый раз, когда я ехал оттуда сюда, я был тоже один. Папа, я уже самостоятельный.

— Какая же это самостоятельность! — вспыхнул Лу Чжунсун. — Даже в восемнадцать лет нельзя уезжать в дальнюю поездку, не предупредив родителей. Минлан, чтобы такого больше не повторял! Ты студент Университета А, неужели мне нужно учить тебя таким элементарным вещам?

Лу Минлан сказал:

— Я просил тётю тебе сказать, я не скрывал этого. И в восемнадцать лет — это возраст самостоятельности. Папа, я уже взрослый.

Лу Чжунсун заметил, что лицо Лу Минлана слегка побледнело, и гнев уже начал утихать, но эти слова снова вызвали вспышку ярости:

— Если бы ты был самостоятельным, ты бы давно уехал из дома и начал сам строить свою жизнь! Ты ещё учишься и живёшь дома, о какой самостоятельности может идти речь? Хочешь быть независимым? Тогда уходи и живи сам!

Лу Минлан посмотрел на него, и этот взгляд вдруг заставил Лу Чжунсуна почувствовать, будто на него вылили ведро холодной воды. Ему стало жаль, что он произнёс только что эти слова.

— ...Мой друг снял дом у Восточных ворот Университета А и собирается открыть там магазин. Им нужны помощники, и я хотел пойти помочь.

Он помолчал, а затем продолжил:

— Я как раз думал, как сказать вам, что впредь буду редко бывать дома. Но раз папа так

говорит, тогда я уйду и буду жить самостоятельно.

Лу Чжунсун округлил глаза, глядя, как Лу Минлан, войдя в комнату, начинает с грохотом открывать шкафы и ящики, собирая свои вещи.

Вещей у Лу Минлана здесь было немного, ведь после переезда он почти тут и не жил.

— Это бунт! — в ярости закричал Лу Чжунсун в гостиной. — Лу Минлан, ты что, взбунтовался?!

Лу Минхао высунулся из своей комнаты и увидел, как Ай Цзинья удерживает Лу Чжунсуна, стараясь его успокоить:

— Не злись, не злись, ребёнок вырос, сейчас ты не в себе, не провоцируй его.

Лу Чжунсун сказал:

— Даже если вырос, он всё ещё моего рода! Лу Минлан, ты повзрослел и окреп, да что?!

Лу Минлан молниеносно собрал всю купленную им одежду из шкафа и затолкал в принесённый с собой рюкзак.

Ай Цзинья, продолжая удерживать Лу Чжунсуна, крикнула:

— Минлан, не делай так. Твой папа переживает за тебя, поэтому так и злится. Выйди и извинись, ну? Просто извинись, и всё наладится!

Лу Минлан вышел из комнаты с набитым рюкзаком за плечами:

— Я просто ухожу жить отдельно, вам не нужно так бурно реагировать.

Лу Чжунсун крикнул:

— Это не «жить отдельно»! Это побег из дома!

Лу Минлан ответил:

— Папа, после того как вы с мамой уехали, я долгое время жил один.

Он окинул взглядом Ай Цзинья, которая почему-то смущённо отвела глаза, и посмотрел прямо в лицо Лу Чжунсуну.

— Я давно стал самостоятельным, нет смысла становиться зависимым снова меньше чем через два месяца.

Лу Чжунсун на мгновение лишился дара речи, а Лу Минлан, взвалив рюкзак на плечи, быстро вышел.

Ай Цзинья ахнула и бросилась его догонять. Лу Минхао вышел из комнаты и, подойдя к двери, посмотрел на калитку — Ай Цзинья, конечно, делала это только для виду, а так как Лу Минлан шёл очень быстро, она добежала только до ворот и остановилась. Таким образом, все заготовленные уговоры так и остались несказанными.

Лу Чжунсун в ярости разбил вазу на столе.

Раздался звон, и пол усеялся осколками.

Цветы упали в лужу воды, смешанную с осколками, и выглядели весьма жалко.

Лу Чжунсун пнул осколки ногой и, стиснув зубы, прохаживался по сухому месту.

Когда гнев немного утих, он сел на диван, выглядя совершенно подавленным.

Лу Минхао дождался, когда жар утихнет, и затем на цыпочках вышел из комнаты, сел рядом с Лу Чжунсуном и тихо спросил:

— Папа, ты правда отпустишь его?

В своём воображении он рисовал, что Лу Минлан, уехав из дома, просто не выживет, возможно, будет голодать, а когда совсем неспособен станет — вернётся.

Лу Чжунсун недовольно буркнул:

— Он что, с голоду умрёт? У него стипендия, ему моя помощь не нужна.

Лу Минхао неуверенно произнёс:

— Раньше, когда он жил один... возможно, он и голодал...

Лу Чжунсун сказал:

— Ты хочешь сказать, что это я виноват?

Внезапно повышенный голос так напугал Лу Минхао, что тот вздрогнул.

Ай Цзинья тут же подбежала и обняла его:

— Ты чего орешь так громко?

Лу Минхао просто испугался мгновенно, вырвался из её объятий:

— Он же тебя предупредил, зачем ты так разозлился?

Сам Лу Минхао любил убежать из дома, не предупреждая никого. И хотя трёхдневное отсутствие Лу Минлана его тоже напугало, ведь Лу Минлан приехал один. Лу Минлан уже студент, и хотя разница в возрасте с ним всего год, в сердце Лу Минхао Лу Минлан уже был взрослым.

Лу Чжунсун отрезал:

— Он меня ненавидит!

Он сказал это твёрдо, а затем добавил:

— Пусть идёт! Когда деньги кончатся, он сам вспомнит о доме.

Ай Цзинья осторожно спросила:

— Но у Минлана немалая стипендия. А что, если деньги не кончатся, а он всё равно не захочет возвращаться? Что тогда?

Лу Чжунсун ответил:

— Не вернётся — и не вернётся! Мне что, у него выпрашивать? Если у него есть хватка — пусть живёт один всю жизнь! И чтоб не возвращался никогда!

Ай Цзинья хотела было что-то сказать.

<http://bllate.org/book/16627/1523109>